

УДК 101.1 (075)

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

С.А. Лебедев

ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана», г. Москва

В статье анализируются категории объекта и субъекта научного познания и их взаимосвязь. Показывается, что в науке объект понимается не как «вещь в себе», а как «вещь для нас». В науке не существует объекта без субъекта познания. При этом в современной эпистемологии субъект научного познания понимается как социальное существо, как дисциплинарное научное сообщество, всегда опирающееся на накопленное ранее знание как на необходимое условие научного познания. Эти предпосылки имеют для конкретного исторического субъекта научного познания априорный характер, но только – относительный. В науке беспредпосылочного и бессубъектного познания не бывает. Такой характер познания неизбежно приводит к научному плюрализму в познании. В условиях потенциального и актуального плюрализма научное познание способно продуцировать только относительно-истинное знание, механизмом удостоверения которого является научный консенсус членов профессионального научного сообщества.

***Ключевые слова:** объект, субъект, научное познание, научная истина, научное сообщество, научный консенсус.*

В истории философии было выработано два принципиально разных понимания категории «объект» [6]. Первое понимание – это метафизическое, или трансцендентальное. Здесь объект понимается как элемент объективной реальности. Последняя рассматривалась при этом как реальность, противоположная субъективной реальности: человеческому сознанию и знанию. В отличие от субъективной реальности объективная реальность считалась самодостаточной и функционирующей на основе присущих ей внутренних законов. При этом часто объективная реальность просто отождествлялась с природой (Космосом). Позднее (в марксистской философии) в объективную реальность стали включать наряду с природой и социальную реальность, и прежде всего экономический базис общества (его производительные силы и производственные отношения). При таком более широком понимании объективной реальности объектами стали не только природные процессы и явления, но и материальные структуры общества, созданные при непосредственном участии человеческого сознания (в частности, с использованием научного знания). Это – производительные силы общества, его материальная инфраструктура, техника, технологии, оборудование, приборная и экспериментальная база науки, социальные институты, да и сами люди как субъекты трудовой деятельности, а также носители определенных соци-

альных функций. Подобное расширенное понимание объективной реальности позволяло рассматривать человека как особый случай объекта, а именно как объекта, наделенного сознанием и волей. Однако оно вступало в логическое противоречие с прежним метафизическим определением объективной реальности как реальности, существующей вне и независимо от сознания. Радикально отличное от метафизического понимания категорий «объект» и «объективная реальность» толкование было предложено в XVIII в. И. Кантом [1]. Он предложил понимать под «объектом» то, на что направлено наше познание, т. е. предмет познания. Соответственно, согласно Канту, нет объекта без субъекта. В отличие от первого, «метафизического», понимания объекта кантовское получило в философии название «интенционального». Кант впервые предложил терминологически закрепить две эти разные концепции объекта разными терминами: «вещь в себе» (для обозначения метафизической концепции объекта) и «вещь для нас» (для обозначения интенционального понимания объекта). Позже кантовское интенциональное понимание объекта будет обобщено Гуссерлем. У него объект уже стал пониматься как то, на что направлено сознание вообще, а не только его познающая часть.

Каков же критерий существования объекта как «вещи для нас»? Здесь правильным ответом может быть только такой: единого или универсального критерия существования объекта как вещи для нас не существует, поскольку удостоверение сознанием его существования зависит от типа или уровня сознания: чувственное оно или рациональное [12]. Чувственное познание требует для признания существования объекта как вещи для нас соблюдения двух условий: 1) его фиксацию в чувственном опыте и 2) повторного (желательно многократного) воспроизведения в чувственном опыте. Ясно, что реализация второго условия более всего возможна в экспериментальном исследовании, где изучаемый объект может быть воспроизведен потенциально неограниченное число раз [14]. При рациональном же способе удостоверения существования объекта как вещи для нас требуется выполнение других условий: 1) непротиворечивость мысленно данного объекта, 2) простота его содержания с целью возможности непосредственного (интуитивного) восприятия мышлением, 3) возможность его потенциально неограниченного воспроизведения в мышлении [7; 13; 16].

Необходимо отметить, что в современной науке понятие объекта употребляется в основном в кантовском смысле «вещи для нас» со всеми вытекающими отсюда гносеологическими и методологическими последствиями. Первым гносеологическим следствием понимания объекта как «вещи для нас» является утверждение: «без субъекта нет объекта» [6]. Вторым методологическим следствием такого понимания объекта является утверждение, что всякое знание об объекте относительно и коррелятивно той когнитивной системе отсчета, той «когнитивной оп-

тике», которая используется при его познании [12]. Третьим следствием понимания объекта как «вещи для нас» является утверждение, что человек не способен достичь абсолютно объективного («трансцендентального») знания о действительности (абсолютно истинного знания) [6; 12]. Четвертым следствием понимания объекта как «вещи для нас» является вывод, что всякое знание об объектах, в том числе и научное, в строгом смысле слова является не чисто объективным, а субъективно-объективным. Это знание зависит не только от содержания «вещи в себе», но и от наличных условий и средств ее познания: экспериментальной ситуации, научных приборов, накопленного ранее знания, познавательной и практической установки исследователя, его познавательного интереса, творческого потенциала («продуктивного воображения» – Кант) и, наконец, когнитивной воли в принятии научных решений и др. [7]. Пятым методологическим следствием понимания объекта как «вещи для нас» (при условии отказа от кантовского абсолютного априоризма) является признание неизбежности теоретического плюрализма в науке как ее естественного состояния. Более того, научный плюрализм вместе с прогрессом науки должен только возрастать. При этом существование в науке альтернативных подходов в отношении познаваемых объектов отнюдь не означает субъективизма научных концепций. В научном познании существует система регуляторов, ограничивающая творческий плюрализм исследователей и способствующая возможности достижения ими общезначимого знания. И одним из таких важных регуляторов является сам коллективный характер научного познания, социальность субъекта научного познания, диалог научного сообщества при оценке различных концепций, заканчивающийся в итоге достижением научного консенсуса [6; 9; 13]. Концепции социальной природы субъекта научного познания противостоят, с одной стороны, «метафизическое», трансценденталистское его понимание, как носителя врожденных, или априорных (одинаковых для всех людей), познавательных способностей (Декарт, Кант, Гуссерль и др.), а с другой – понимание субъекта как носителя сознания, являющегося *tabula rasa*, содержание которого наполняется благодаря воздействию на него объектов как вещей в себе, являясь отражением этого воздействия (материализм). Оба эти понимания субъекта познания (априористское и *tabula rasa*) оказались методологически несостоятельными. При их принятии невозможно адекватно ответить на вопрос о том, как возможна объективная и вместе с тем лишь относительная истина (с точки зрения как ее полноты, так и адекватности). А именно о таком характере истинности знания красноречиво свидетельствует вся история науки, области знания, где контролю процесса адекватности познания уделяется наиболее пристальное внимание по сравнению с другими видами человеческого познания.

Как известно, вопрос о возможности достижения истины в научном познании был впервые поставлен еще в Новое время, в эпоху ста-

новления современного естествознания. Так, в эпистемологии Р. Декарта утверждалось, что научная истина имплицитно (неявно) находится в человеческом уме и имеет, так сказать, «врожденный характер». Выявляется же она с помощью «естественного света» разума путем использования определенного набора его средств (сомнения, критики, интеллектуальной интуиции, дедукции) [4]. Другой крупный философ науки Нового времени Ф. Бэкон поставил важный вопрос о факторах, затемняющих или искажающих научную истину, развив свою концепцию идолов, или «призраков», истины. Он же предложил и главный метод устранения этих призраков (призраков толпы, театра, рынка и др.). Таким методом должно быть экспериментальное исследование объекта познания и индуктивное обоснование научной истины [4; 11]. Только таким образом полученное знание, полагал он, способно увеличить могущество человека и дать ему реальную власть над природой. Попытка примирить рационализм Декарта и эмпиризм Бэкона в вопросах научной истины была предпринята И. Кантом [1]. Основой такого примирения, по Канту, должно быть признание философами и учеными существования необходимых априорных предпосылок осуществления любого акта познания, как чувственного, так и рационального. Хотя научное познание, утверждал Кант, начинается с опыта, это отнюдь не означает, что оно логически вытекает, следует из чувственного опыта. Условием получения научных знаний о познаваемых объектах является структурирование приобретённой о них чувственной информации в ходе взаимодействия познающего сознания с объектом с помощью априорных форм чувственного созерцания (в частности, заложенных в нем представлений о пространстве и времени), а также рассудка (основные онтологические категории, формы и законы мышления). Эти априорные структуры образуют когнитивную структуру, создающую саму возможность продуцирования и конституирования истинных суждений и научных доказательств. Однако априоризму Канта не суждено было стать общезначимой теорией научной истины.

Первым серьезным возражением кантовской эпистемологии явилось неприятие научным сообществом кантовского учения о якобы «трансцендентальном», вневременном характере субъекта научного познания. Такому пониманию был противопоставлен реальный исторический и социальный субъект научного познания [3; 5; 9]. Социальный характер субъекта научного познания четко обозначился уже в конце XIX – начале XX в., времени формирования так называемой «большой науки» (термин известного науковеда Дж. Прайса). Этот тип науки пришел на смену прежней, так называемой «малой науке», где главным действующим лицом был действительно отдельный ученый. В период существования «малой науки» общее число ученых во всем мире не превышало нескольких десятков тысяч по всем отраслям науки. Многие философы и методологи науки по-прежнему рассматривают в качестве

субъекта научного познания либо отдельного ученого (а это аналог «гносеологического Робинзона»), либо, как Кант, «ученого вообще» или «трансцендентального субъекта». Тогда как основным субъектом современной науки является уже не отдельный ученый (каким бы талантливым он ни был), а научный коллектив, и прежде всего дисциплинарное научное сообщество [2; 9]. Почему так важно акцентировать этот момент? Потому что субъект-объектное познавательное отношение существенно оказывается детерминированным различного рода социальными, коммуникационными и организационными требованиями и ограничениями функционирования субъекта научного познания. Деятельность отдельных ученых в научных коллективах и организациях подчинена законам разделения труда в рамках функционирования коллективного субъекта науки. Она существенно диверсифицирована, специализирована и организована по принципу дополнения в рамках деятельности целостного субъекта науки (экспериментаторы, теоретики, создатели полезных моделей и опытно-конструкторских разработок, инженеры, математики-прикладники, экономисты, менеджеры, руководители научных программ и т. д.). Любой научный коллектив, решающий определенный класс проблем и задач, всегда действует как единое целое, как единый субъект. Одним из следствий социального характера субъекта научного познания является то, что субъект-субъектные отношения между членами профессионального научного сообщества стали иметь не меньшее значение для эффективного осуществления познавательной деятельности, чем субъект-объектные отношения между ученым и познаваемой им объективной реальностью. Соответственно, исследование процесса научного познания, осуществлявшегося когда-то в категориях традиционной эпистемологии и методологии науки, сегодня должно быть дополнено социологическим, историческим, психологическим, герменевтическим и праксиологическим контекстами его анализа [13].

Вторым важным шагом на пути критики и преодоления кантовской эпистемологии явилось осознание следующего обстоятельства: предпосылочность научного познания в целом как его опора на ранее полученное знание, безусловно, имеет место в любом акте научного познания. Но предпосылочное знание в науке имеет не абсолютно-априорный характер, как полагал Кант, а только относительно-априорный и исторический [17]. При этом оказалось, что оно детерминировано не только результатами своего предшествующего развития, но и наличными социокультурными условиями [15]. Так возникла тенденция, ставшая сегодня устойчивой в методологии науки: признание детерминации научного познания и его результатов не только содержанием изучаемых объектов и накопленным ранее научным знанием и методами его получения, но и социокультурным контекстом функционирования науки и научного познания. В отличие от классической методологии науки с ее идеей трансцендентального субъекта познания, для современной философии науки

субъект научного познания – это не некое абстрактное, вне мира ютящееся существо, а вполне конкретное. Это – реальные ученые или их коллективы, оперирующие физическими приборами, инструментами измерения, накопленными ранее научными знаниями и находящиеся во вполне конкретной «познавательной позиции» [16].

Если попытаться дать обобщенное описание той познавательной ситуации, в которой находится реальный субъект научного познания, то она состоит из двух основных элементов: предмета познания и условий познания. В объективированном языке условия познания могут быть обобщенно названы «когнитивной системой отсчета». Содержание этой системы образует совокупность определенных предпосылок философского («метафизического»), исторического, социокультурного, научно-теоретического и физического характера (реальная физическая система отсчета или условия наблюдения), с позиций которых и рассматривается конкретный предмет познания. По своему онтологическому статусу «когнитивная система отсчета» является вполне объективной, так как никогда не является продуктом конструктивной деятельности ни отдельного ученого, ни даже коллективного субъекта научного познания, поскольку почти все ее элементы, как правило, «присваиваются» субъектом познания из арсенала существующей культуры. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что субъект научного познания является активным конструктором когнитивной системы отсчета. Именно он своей волей и творчеством «собирает» ту или иную когнитивную систему отсчета и идентифицирует себя с ней. Поэтому для полного понимания содержания когнитивной системы отсчета всегда очень важно знать характеристики самого познающего субъекта: кто познает, как (с помощью каких средств) познает, наконец, для чего (с какой целью, целями) познает. Очевидно, что ответ на последний вопрос невозможен вне анализа ценностной сферы познания [10]. Хотелось бы также подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, субъект научного познания играет активную роль не только в формировании условий познания, но и в решении вопроса о том, что познается (содержание предмета познания). Это также результат определенного когнитивного решения субъекта, а не просто (не только) детерминации сознания субъекта со стороны объекта («вещи в себе»). В качестве факторов, существенно определяющих перспективу видения познаваемого объекта, могут выступать: накопленные знания; практические потребности; цели и задачи познания; идеалы и нормы научного исследования; мировоззренческие и философские основания. Эти факторы могут быть устойчивыми, долговременными, глубинными, а могут быть и быстро меняющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как конкретные реальные основания и предпосылки процесса научного познания и соответственно получения определенного научного знания.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 336–500.
2. Лебедев С.А. Введение. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // Концепции современного естествознания: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 13–20.
3. Лебедев С.А. Философия науки: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 259–260.
4. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: Классическая и неклассическая. М.: Академ. проект, 2014. 295 с.
5. Лебедев С.А. Современная философия науки. Дидактические схемы и словарь. М.: Изд-во МПСИ, 2010. 384 с.
6. Лебедев С.А. Философия науки, терминологический словарь. М.: Академ. Проект, 2011. 269 с.
7. Лебедев С.А. Методология научного познания. М.: Проспект, 2015. 256 с.
8. Лебедев С.А. Проблема истины в науке // Человек. 2014. № 4. С. 58–75.
9. Lebedev S.A. The issue of the contemporary science // European Journal of Philosophical Research. 2015. № 1(3). P. 27–36.
10. Lebedev S.A., Lebedev K.S. The principles of scientific theories // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2015. Т. 3, № 1. P. 22–33.
11. Lebedev S.A. The problem of induction // Вопросы философии и психологии. 2015. № 1(3). С. 17–28.
12. Lazarev F.V., Lebedev S.A. Philosophical reflection: its essence, forms, and types // Вопросы философии и психологии. 2015. № 1(3). С. 4–16.
13. Lebedev S.A. The structure of the contemporary methodology of science // European Researcher. 2015. № 1(90). P. 61–68.
14. Lebedev S.A. The methods of the level scientific sense data // European Researcher. 2015. № 2(91). P. 163–168.
15. Lebedev S.A., Lebedev K.S. The global scientific revolution and its laws // Вопросы философии и психологии. 2014. № 1(1). С. 21–29.
16. Lebedev S.A. Axiomatic and genetic-construction methods of theoretical cognition: comparative analysis // European Journal of Philosophical Research. 2015. № 2(4). P. 72–82.
17. Лекторский В.А. Классическая и неклассическая эпистемология. М.: «Эдиториэл УРСС», 2001. 256 с.

THE PROBLEM OF SUBJECT AND OBJECT OF SCIENTIFIC COGNITION

S.A. Lebedev

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

The article examines the category of the object and subject of scientific cognition and their relationship. It reveals that in science the object is understood not as a «thing in itself», but as a «thing for us». In science, there is no object without subject's knowledge. In contemporary epistemology, the subject of scientific cognition is understood as a social being, as disciplinary scientific community, always based on previously accumulated knowledge as a necessary condition of scientific research. These prerequisites have an a priori nature for the subject of scientific cognition, but should be considered relative in their status. This kind of knowledge inevitably produces scientific pluralism. Under the conditions of potential and actual pluralism, scientific knowledge produces only relatively true results based on the consensus of the professional scholarly community.

Keywords: *object, subject, scientific cognition, scientific truth, scientific community, scientific consensus.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: saleb@rambler.ru

Author information:

LEBEDEV Sergey Alexandrovich – Ph.D., Prof. of the Philosophy Dept., Bauman Moscow State Technical University, Moscow. E-mail: saleb@rambler.ru